

Ольга Малинова

Pål Kolstø and Helge Blakkisrud, eds. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 424 pp. ISBN 978-1-4744-1042-7.

Ольга Малинова – доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: Кривоколенный пер., 3, оф. 403, Москва, 103070, Россия. omalinova@hse.ru.

Коллективная монография «Новый русский национализм: Империализм, этничность и авторитаризм, 2000–2015» под редакцией норвежских славистов Пола Колсто (Pål Kolstø) и Хельге Блаккисруда (Helge Blakkisrud) – результат исследовательского проекта, объединившего усилия двенадцати ведущих специалистов по российской политике из пяти стран – России, Норвегии, США, Великобритании и Германии. Исследование началось в России весной 2013 года, за несколько месяцев до украинского кризиса, за которым последовали присоединение Крыма к России, военный конфликт в Донбассе и «война санкций». Грант Совета по исследованиям Норвегии позволил провести в России силами исследовательского холдинга «Ромир» два социологических опроса – в мае 2013-го и в ноябре 2014-го, в результате чего у участников проекта появились уникальные данные для оценки массовых установок по поводу этничности, нации и государства до и после «патриотической» мобилизации 2014 года. В книге рассматривается широкий спектр проблем, связанных с оценкой состояния и динамики русского национализма как на уровне соответствующих политических движений, так и в контексте государственной политики. Благодаря этому работа международного авторского коллектива не только многое дает для понимания перспектив русского национализма, но и предлагает интересные объяснения изменения российского политического курса в 2014 году.

Хотя в названии книги «новый русский национализм» употребляется в единственном числе, ее авторы в полной мере признают, что «такой вещи, как одно единое движение русского национализма, не существует» (с. 75), и выделяют разные его типы и течения. В первой главе Пол Колсто предлагает типологию, основанную на различении по двум шкалам: 1) чьи интересы ставятся во главу угла – русских как этнической группы или государства, 2) как мыслятся территориальные границы группы – в пределах Российской Федерации или на основе бывшего СССР/царской империи. Пересечение этих шкал дает четыре идеальных типа, которые автор прослеживает в постсоветском дискурсе о нации (с. 23). Большинство авторов книги работают с бинарной типологией, выделяя государствоцентрический, имперский и этнический русский национализм. При этом одни считают едва ли не главным его индикатором использование прилагательных «русский» и «российский» (с. 160–191, 249–274), другие справедливо указывают на неоднозначность их смысловых границ (с. 221–248, 275–297), а главное – на то, что эта

неоднозначность успешно используется политиками (об этом см.: Зевелев 2008; Малинова 2010; Shevel 2011).

В драматическом изменении российского политического курса под влиянием украинского кризиса некоторые авторы книги видят признаки «этнического поворота» в официальном понимании национальной идентичности. По словам Колсто, «реагируя на революцию Евромайдана, Кремль воспринял риторику русских националистов и в результате перехватил у них инициативу» (с. 6). И он, и многие его соавторы обращают внимание на то, что в своей «крымской» речи 18 марта 2014 года Владимир Путин многократно использовал прилагательное «русский» и в частности аргументировал присоединение полуострова к России тем, что «русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделенным народом в мире» (Путин 2014). К тому же выводу пришла Магдалена Лехтова, проанализировавшая все выступления Путина, в которых обосновывалось присоединение Крыма: та часть аргументов, которая касалась идентичности и истории, «была почти исключительно сосредоточена на подтверждении “русской природы” Крыма» (Leichtova 2016:312). В событиях 2014 года авторы книги усматривают существенную националистическую составляющую. Впрочем, они оговариваются, что национализм Путина – национализм «особого типа, не исключаящий по этническому принципу и весьма ограниченный в своих заявленных стремлениях» (с. 222). При этом путинская модель национальной идентичности отличается от неэтнической российскости, которую продвигала администрация Бориса Ельцина в 1990-х годах, тем, что открыто подчеркивает историческую «миссию» русского народа (с. 6).

Рассматривая русский национализм как принципиально разноликое явление, авторы монографии анализируют различные аспекты его эволюции. Эмиль Паин (Emil Pain) рассуждает об истории русского национализма и прослеживает влияние «кимперского синдрома» на развитие его основных направлений. Александр Верховский (Alexander Verkhovsky) на основе данных мониторинга центра COVA описывает динамику активности русских радикальных националистов в 2008–2014 годах, показывая, как украинский кризис 2013–2014 годов привел к ее спаду. Он объясняет это, с одной стороны, определенными успехами полиции в борьбе с правым экстремизмом, а с другой – изменением акцентов в политической повестке: озабоченность активистов событиями на Украине отодвинула на второй план проблему нелегальной миграции. Анастасия Митрофанова (Anastasia Mitrofanova) анализирует связи между русским национализмом и православием. По ее мнению, несмотря на то, что Русская православная церковь официально не поддерживает националистические концепции, существует значительный слой русских националистов, в идеологии которых православие является важным компонентом, и они применяют различные стратегии сопряжения религиозного универсализма и этнического партикуляризма. Питер Рутланд (Peter Rutland) показывает связь между выбором курса на экономическую интеграцию или автаркию и спорами о национальной идентичности.

Наталья Космарская и Игорь Савин (Natalya Kosmarskaya and Igor Savin) знакомят с результатами качественного социологического исследования «низовых»

представлений о мигрантах и миграции, которые выражают обычные граждане, живущие в Москве. По их заключению, ксенофобия в значительной степени провоцируется СМИ (является «манифестируемой»). Категории, усваиваемые из инфосферы, описывают социальное окружение индивидов на основе противопоставления «нас» и «их», однако в повседневной жизни эти категории задействованы лишь ограниченно (с. 157). Этот вывод не вполне совпадает с результатами исследования Стивена Хатчингса и Веры Тольц (Stephen Hutchings and Vera Tolz), которые изучали частоту, интенсивность и содержание сюжетов, касающихся этничности и миграции, в новостных программах «Первого канала» и канала «Россия». Они обнаружили в позиции государственного телевидения характерное противоречие: с одной стороны, этническое многообразие представляется одним из уникальных преимуществ России (так, тема этнического единства усиленно педалировалась в марте 2014 года, во время кампании по присоединению Крыма), а с другой стороны, рост массовой ксенофобии ставит руководство центральных каналов перед дилеммой: то ли «сохранять этническое единство, умалчивая о взрывоопасных темах», то ли «потакать общественным настроениям», поддерживая страхи и предрассудки (с. 328). Иными словами, с одной стороны, массовая ксенофобия питается смыслами, усваиваемыми из дискурса СМИ, а с другой – оказывается одним из факторов, определяющих медийную повестку.

Сравнение результатов двух социологических опросов, проведенных в рамках данного исследовательского проекта, позволяет авторам книги проследить, как изменились установки на этничность, миграцию, политический режим и прочее под влиянием массивной пропаганды весны – осени 2014 года. Анализируя эти данные, Михаил Алексеев попытался ответить на вопрос: почему присоединение Крыма, произошедшее под флагом русского этнонационализма, не вызвало реакции со стороны нерусских этнических групп? Он обнаружил, что этническая идентичность имеет ограниченный эффект для поддержки территориальной экспансии России. Как ни парадоксально, нерусские респонденты высказались за расширение территории России до границ СССР даже более решительно, нежели русские. При этом первые более решительно поддерживают Путина, чем вторые. Получается, что «территориальная экспансия – или институциональная экспансия, ведущая к расширению влияния России на бывших советских территориях – может принести двойные дивиденды во внутренней политике, снижая нетерпимость этнического большинства и в то же время смягчая недовольство этнических меньшинств» (с. 187–188).

Эффекты мобилизации поддержки («сплочения вокруг...»), вызванные драматическими последствиями украинского кризиса, подробно анализируются в главе Михаила Алексеева и Генри Хейла (Mikhail A. Alexseev and Henry E. Hale). Сравнивая данные опросов 2013 и 2014 годов, они признают, что «большинство населения полностью капитулировало перед [...] версией событий, распространявшейся государственными медиа» (с. 194). Однако не все элементы «кремлевского нарратива» усвоены одинаково хорошо. Во-первых, несмотря на дипломатические усилия российских властей, стремившихся не допустить интеграции Украины с ЕС, значительное большинство респондентов полагают, что Россия не

должна вмешиваться в суверенные дела Украины, Молдовы, Грузии и Армении (за такое предположение высказалась всего лишь одна треть опрошенных). Во-вторых, оказалась не вполне понятной идея «Новороссии»: выяснилось, что респонденты имеют смутное представление о ее географической локализации.

Опрос показал значительный эффект «сплочения вокруг лидера» и несколько меньший эффект «сплочения вокруг флага». События 2014 года несколько отвлекли население от проблем, которые прежде заставляли их более негативно оценивать политическую систему. Вместе с тем кризис не привел к подъему национализма (как полагают Алексеев и Хейл, отчасти потому, что его уровень и прежде был высок). Напротив, респонденты обнаружили рост гордости за Россию как многонациональное государство. При этом несмотря на «этнический поворот» в официальной риторике, «не все русские склонны понимать притязание Путина на Крым как отражение этнической концепции российского государства. В действительности, оказывается, что Путин продолжает играть на неоднозначности понятий, которую Кремль давно использует в своей национальной политике» (с. 206).

Националистический поворот в политике и официальной риторике Хейл объясняет стечением обстоятельств: неудачная «рокировка» Дмитрия Медведева и Владимира Путина (Хейл называет ее «PR-катастрофой») и протестное движение 2011–2012 годов вынудили элиту к поискам новой политической стратегии, а события на Украине создали уникальный контекст, в котором использование «националистической карты» оказывалось максимально выгодным. Во-первых, это позволяло не потерять поддержку сторонников «наступательного» (assertive) курса и вместе с тем контролировать политизацию национализма. Во-вторых, на поддержку либерального меньшинства после подавления протестной волны уже все равно рассчитывать не приходилось. В-третьих, аннексия Крыма максимально отвечала устремлениям обеих ветвей русского национализма, поскольку речь шла не только о «восстановлении» территории империи, но и о присоединении преимущественно русского и славянского населения (с. 243–244). Однако, по мнению Хейла, националистическая мобилизация в целом не показана патроналистским политическим режимам, подобным путинскому, поскольку они опираются скорее на теневые практики личных связей, а не на общие принципы. В меняющемся контексте обязательства, связанные с общими принципами, могут оказаться помехой для принятия решений.

Если Хейл объясняет националистический поворот в политике Путина стечением сравнительно недавних обстоятельств, то Марлен Ларуэль (Marlene Laruelle) рассматривает его как логическое завершение трудного выбора идентичности в постсоветском контексте. Она полагает, что, оказавшись перед выбором одной из трех возможных «цивилизационных грамматик» – быть европейской страной, идущей по западному пути, быть европейской страной, идущей по не западному пути, или быть неевропейской страной – российская элита еще в середине 1990-х годов предпочла второй путь. Однако формирование соответствующей ему идеологической позиции заняло немало времени: лишь в середине 2000-х от фазы «патриотического центризма» правящая элита перешла к структурированию идеологической позиции государства. Начало третьей, современной фазы, в рамках

которой консерватизм был оформлен в качестве официальной позиции государства, Ларуэль связывает с «рокировкой» Медведева и Путина. На этом этапе определились три «склонения», конкретизировавшие выбранную «цивилизационную грамматику» – язык патриотизма, морали и национальной культуры (с. 287). Впрочем, наличие этих «склонений» не отменяет значительной меры разногласий, не позволяющих «идеологической позиции» оформиться в «доктрину». В частности сохраняются разногласия по таким важным сюжетам, как «отношения церкви и государства, определение ядра русской идентичности, отношение к имперскому прошлому и текущая миграционная политика» (с. 295).

Русский национализм, о котором пишут авторы книги – и старый (поскольку восходит к дореволюционным истокам), и новый (поскольку большинство современных его течений оформились лишь 10–15 лет назад). Несмотря на частые рассуждения исследователей о причинах, по которым русским националистам до сих пор не удалось мобилизовать поддержку в масштабе, о потенциале которого свидетельствует распространение ксенофобии, чтение монографии не оставляет сомнений в том, что распространяемые ими идеи уже превратились в значимый фактор российской политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зевелев, Игорь. 2008. «Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм». С. 241–293 в *Наследие империй и будущее России*, под ред. Алексея Миллера. М.: Новое литературное обозрение.
- Малинова, Ольга. 2010. «Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России». *Полис. Политические исследования* 2:90–105.
- Путин, Владимир. 2014. «Обращение Президента Российской Федерации». Портал «Президент России», 18 марта. Просмотрено 17 марта 2017 г. (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20603>).
- Leichtova, Magdalena B. 2016. “Why Crimea Was Always Ours: Legitimacy Building in Russia in the Wake of the Crisis in Ukraine and the Annexation of Crimea.” *Russian Politics* 1(3):291–315.
- Shevel, Oxana. 2011. “Russian Nation-Building from Yel’tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous?” *Europe-Asia Studies* 63(2):179–202.